

Георгий Гулиа

Баллада о первом живописце

Солнце показалось из-за гребня гор, а Нуннам все еще работал. Он действовал то пучком сухой травы, то кремневым зубилом. На каменном полу просторной и сухой пещеры лежали небольшие кучи сухой земли – желтой и красной, серой и белой. Тонко перемолотый уголь, добытый из тлевших головешек был замешен на липкой сосновой смоле. Впрочем, и земля – желтая и красная, серая и белая – замешивалась на смоле. При помощи зубила Нуннам выбивал контуры на прочной стене, а землями расписывал. Он достиг великого совершенства в изображении зверей. Он рисовал медведей и волков, куниц и зубров. Нуннам был сущим кудесником, его знали во всех ближних и дальних пещерах. Его наперебой приглашали расписывать стены, в которых жили старейшины родов.

Нуннам достиг большого умения, руки его творили чудеса. Его почитали пуще старейшин. Ему приносили лучшие куски от убитых серн и медведей. А в благодарность он украшал жилища людей все новыми и новыми зверями – прыгающими и спящими, пьющими воду и терзающими друг друга в ожесточенных схватках...

Нуннам хорошо знал, какая земля где находится. Он знал, что красная – выше Голубого озера, а серая – у самой ее воды, что белой земли вдоволь за лугом, где пасутся зубры, а смолы – в лесу, где растут ели.

Нуннам достиг вершины совершенства. Он был молод, полон сил. Через плечо живописец носил леопардовую шкуру и ударом кулака мог свалить любого противника. Его уважали и одновременно боялись.

Однако нынче молодой кудесник превзошел самого себя. Нуннам дерзнул, и дерзание его не имело предела: он решил изобразить человека, подобного себе, подобного отцу, подобного старейшине! Задумав новую работу, Нуннам потерял сон, забросил жен, забросил детей, позабыл и о старом отце, и о своей дряхлой матери. По ночам художник мечтательно глядел на луну. А пещера тем временем храпела. Многочисленная семья Нуннама спала на шкурах медведей, не подозревая, что хозяин ее задумал невероятное и в высшей степени дерзкое...

Иногда он уходил к ручью. И ручей, казалось, беседовал с ним и, беседуя, подсказывал, как надо действовать в задуманном деле, чтобы успех увенчал его. Камни с шумом перекатывались в быстром течении, и Нуннам улавливал тайное значение этого шума.

В последнее время он подолгу всматривался в лицо своего отца, и в жестких чертах волосатого человека ему чудились грубая нежность и неиссякаемая сила.

Он внимательно изучал своих детей и твердо знал, сколько пальцев на руках и ногах, как растут ресницы на веках и какого цвета бывают волосы. Нуннам мысленно выводил дуги бровей и округлости губ и бедер. Ягодицы и груди у женщин выпуклы. А груди у мужчин плоские...

И вот Нуннам решился. Когда уснули все, он бесшумно пробрался к выходу пещеры. Здесь заранее была заготовлена плоскость в рост человека. Твердым зубилом художник нанес контуры человеческого тела. Все было здесь – и голова, и нос, и ноги, и пальцы на ногах, и ресницы на глазах.

В небе светила луна. Ее голубой свет падал на сухую стену, и Нуннам работал уверенно. Где-то выли шакалы, хрипло бились неумные зубры и шумно возились лесные птицы. Художник поклонился луне, озарявшей землю своим светом, поклонился светлой звезде, мерцавшей ярче прочих звезд, и поцеловал прохладный камень, на который предстояло наложить липкую смолу, перетертую с землей.

Нуннам для начала покрыл все тело изображения, от головы до ног, желтой земляной краской и щеки выделил красной землей. Белую землю он приберегал для глаз и зубов, а черную – для волос.

Нуннам нанес серую краску на то место, где полагается быть зрачкам. Посреди серых

кругов он поставил черные точки, и вдруг ожило лицо на холодном камне.

Нуннам даже испугался. Он не знал, кто это – отец его или старший сын, друг или враг? На него глядел человек, двойник человека, и это поразило художника. Нуннам упал наземь, не смея поднять глаз на произведение рук своих.

Затем он встал и продолжал работу. Тело появившегося на пещерной стене человека показалось ему несколько желтоватым. И он наложил на грудь и плечи, на бедра и икры ног немного красной земли, немного зеленой и черной, а местами желтой. Углем Нуннам отделил ногти на руках и ногах, ибо ногти должны быть грязными, если то не женщина и не новорожденный...

До рассвета работал Нуннам. За это время он дважды сбегал к речке, чтобы напиться воды. Грудь распирало от порывистого дыхания, но он работал упрямо, смешивая землю со смолой и накладывая новые слои на почти живого человека, не умеющего только говорить и двигаться...

С первыми лучами солнца Нуннам счел работу законченной. Он умылся и долго пил из речки, подобно изжаждавшемуся зубру. А когда вернулся к своему детищу, там уже толпились люди. Они сзывали всех, кто еще не успел проснуться. Они обещали показать чудо, которое совершилось в пещере Нуннама.

Вскоре явился старейшина. Он был дряхл и тяжел. Брюхо у него с годами отвисло, и густая борода покоилась на брюхе. Увидев живого человека на стене, старейшина отбросил деревянную палицу и застыл в немом изумлении. Он стоял ближе всех к изображению.

А все прочие члены рода толпились за его спиной.

– Нуннам, – сказал старейшина, – кто изобразил это?

– Я, – ответил Нуннам.

– Нуннам, это живой человек.

Художник молчал, а толпа радостными криками подтвердила слова старейшины.

– Нуннам, – продолжал старейшина, не жалевший шкур диких зверей ради того, чтобы иметь все новые изображения животных на стенах своей просторной пещеры, – Нуннам, ты сотворил нечто, чего никогда не видел человек. Ты изобразил живую душу на мертвом камне. Твой человек словно рожден женщиной. Он имеет лицо и руки. У него две ноги и десять пальцев на ногах. У него две руки и десять пальцев на руках. Ты сделал его похожим на нас, и он сверкает разными цветами, словно радуга. И он живой, словно радуга.

Нуннам кивнул в знак согласия.

Старейшина растопырил пальцы на руках и руки приблизил к рукам того, почти живого человека. И никто не смог отличить руки каменные от рук живых, хотя по цвету были они разные.

– Нуннам, – сказал старейшина, – у этого человека на стене столько же глаз, сколько и у меня. Глаза состоят из белков и зрачков. Но цвет их не таков, как у меня с тобой. Есть у него и веки, и ресницы на веках. Зрачок серый, и на сером зрачке есть черное пятнышко. Одну сторону лица он сделал цветом травы, а другую – цветом неба. И это хорошо!

Нуннам кивнул.

– Посмотри на эту ногу. Она длиннее левой, и рука одна короче другой. А вид у него богатырский, и, кажется, он без недостатков. Он словно живой.

Нуннам сказал:

– Да, все у него, как у живого.

– Вот тут человеку положены соски. Они есть и на твоём изображении. Но они почему-то желтые, словно месяц. Глядя на стену, я вижу мужчину, притом мужчину сильного. Ему может позавидовать любой из нас. Он может приглянуться любой из женщин. Он не похож на меня или на тебя, но изображение это является изображением человека. Ты не стал рабом своего зрения, но подчинил его уму своему.

Эти слова старейшины были для художника слаще кабаньего мяса и целебнее дикого меда. И он слушал великого мецената, равного которому не знал ни один житель пещеры во все прошедшие времена.

Старейшина ходил вокруг изображения. Он рассматривал его со всех сторон и не находил ни единого отступления от естества. И его поразило это неслыханное умение. И он думал о том, как уберечь это изображение, ибо полагал, что второй раз повторить подобное невозможно. И это, пожалуй, так: Нуннам, всегда цветущий и сильный, выглядел сейчас бледным, больным, точно побывал на рогах у зубра.

– Нуннам, – обратился к художнику старейшина, – ты совершил такое, чего не совершал никто до тебя и едва ли превзойдет кто-либо когда-либо. Это изображение ни в чем не отступает от человека, и с первого взгляда его можно принять за живого. Это великое умение, и оно должно быть вознаграждено. – Старейшина обратился к мужской части всего рода с такими словами: – Я полагаю, что каждый из нас должен убить по одному оленю и принести оленя в пещеру Нуннама. А еще я полагаю, что каждый из нас должен являться сюда ежедневно, чтобы увидеть изображение и, увидев его, выказывать бесстрашие в охоте и битвах. А, еще мы должны выкопать для него сухую и просторную пещеру. Нуннам достоин ее.

Весь род одобрил эти слова. Нуннам смущенно опустил голову.

– Нуннам, – сказал мудрый старейшина, – ты создал нечто такое, что никто не превзойдет. Не знаю, достигнет ли кто-либо твоего умения даже в наше великое время, ибо мастак ты на разные цвета и из несхожести, словно из кремня, высекаешь великую схожесть.

Он оскалил зубы, что значило: «Я очень, очень доволен!»

Отец художника сказал:

– Отныне в нашей пещере будет одним человеком больше. И ему надо дать имя.

Старейшина согласился. И он окрестил того, что глядел со стены, Мунуннам, что значит – сын Нуннама, детище Нуннама.

И жители пещер разбрелись по лесу, чтобы достойно отметить этот день, явивший чудо подлунному миру.

1961